

## В. Г. Вовина-Лебедева

### Крестьяне села Усть-Ижора и их храм

Село Усть-Ижора, расположенное на берегу Невы, по Шлиссельбургской дороге в месте впадения в Неву р. Ижоры, давно известно в связи со знаменитой Невской битвой 1240 г. Петр I первоначально совершил ошибку, решив, что кн. Александр Невский разбил шведов в другом месте, где в силу этого основали Александро-Невский монастырь. Но это недоразумение вскоре разрешилось. Уже в петровское время в Усть-Ижоре поставили первую деревянную церковь во имя св. благоверного князя Александра Невского. Храм, что естественно для деревянной сельской церкви, несколько раз горел, и на рубеже XVIII–XIX вв. был заменен каменным, построенным в стиле классицизма (предположительно, по проекту В. И. и П. В. Нееловых). Строительство храма, его неоднократные перестройки, а также внутреннее украшение осуществлялись на средства крестьян Усть-Ижоры.

Многие из них разбогатели, когда завели здесь в XVIII в. частные кирпичные заводы. Так, среди заводчиков, чье производство располагалось по берегу Невы, выделялись крестьяне Кононовы (рис. 1), а вдоль Ижоры процветало кирпичное производство состоятельных крестьян Захаровых (рис. 2, 3). Для кирпичей использовались местные песок и глина. Их обломки с частью клейм до сих пор можно обнаружить на берегу Невы. Оттуда их было удобно отправлять — с причалов, основания которых в некоторых местах еще видны.

Село принадлежало одному из казенных ведомств (Правлению императорской Александровской мануфактуры, находившейся на том же Шлиссельбургском тракте, что и Усть-Ижора, но гораздо ниже по течению Невы, на 12-й версте). В силу этого обстоятельства, а также ввиду очевидного благосостояния верхушки усть-ижорских крестьян, их верность престолу казалась естествен-



Рис. 1. Захоронения Кононовых вблизи стен Александро-Невской церкви

ной. Не случайно в один из тревожных моментов 1788 г., когда существовала опасность нападения шведской армии, ведомой двоюродным братом Екатерины II королем Густавом III, на Петербург, усть-ижорцы решили защищать столицу. Как гласит надпись на гранитном обелиске (к сожалению, оригинальная доска утрачена), поставленном в селе через год повелением императрицы, местные крестьяне проявили «усердие», поскольку «добровольно нарядили с четвертых пятого человека на службу Ее Величества и Отечества». Когда шведский отряд подошел к крепости Нейшлот, а флот двинулся на столицу, там возникла паника, поскольку к нападению не были готовы. И хотя шведы вскоре были разбиты на суше и на море, а война довольно быстро закончилась миром, подтвердившим прежние границы<sup>1</sup>, но помощь крестьян в момент опасности не была забыта. Вряд ли жители Усть-Ижоры понимали, что повторили спустя 550 лет действия древних ижорских жителей, позвавших против шведов, если верить Лаврентьевской летописи, новгородского князя с дружиной. Правда, усть-ижорцы в 1788 г. были не одиноки, и такой же обелиск стоит выше по течению Невы в бывшем селе Рыбацком. Он имеет аналогичную надпись, прославляющую крестьян этого села.

В дальнейшем помощь населения Усть-Ижоры государству и церкви проявлялась в постоянном внимании к местному храму. В ЦГИА СПб сохранился



*Рис. 2. Захоронение Захаровых вблизи стен  
Алекса́ндро-Невской церкви*

фонд церкви св. блгв. кн. Александра Невского в Усть-Ижоре<sup>2</sup>. Его нельзя назвать обширным или богатым по набору дел, однако из них можно составить определенное представление о жизни прихода с середины XIX до начала XX в.

Часть документов этого фонда связана с именем священника Якова Матвеевича Лабецкого. Он происходил из семьи духовенства, его отец и брат Петр Михайлович Лабецкий были священниками в Гдовском уезде. Я.М. Лабецкий в течение нескольких десятилетий служил священником в храме в Усть-Ижоре. От времени его службы сохранился важный источник для истории



*Рис. 3. Захоронения Захаровых вблизи стен  
Алекса́ндро-Невской церкви*

Усть-Ижоры — исповедальные росписи, содержащие в основном сведения о прихожанах, причастившихся в 1842–1847 гг.<sup>3</sup> Этот документ состоит из списков вместе разновременных отчетов.

Наибольший интерес представляет роспись за 1842 г. На л. 1 — 22 об. перечислен церковный клир: священник Яков Матвеев Лабецкий с женой и детьми, дьякон Лонгин Дмитриев Ильин с женой, дьячок Алексей Алексеев Розанов с женой и дочерью, а также просвирница. Далее идет подробная роспись всех крестьян села. Судя по ней, в селе Усть-Ижора находились 130 дворов. Общее число населения в них составляло 494 лиц мужского пола, и 615 — женского. Из общего числа 1109 чел. не исповедались 127, причем сознательно «за нерачением» (вариант: «за нерадением») это сделали только 40 лиц, в основном молодежь и подростки — в исповедальных росписях проставляли возраст. Остальные отсутствовали или «за малолетством» или (в 85 случаях) без объяснения причин: ставилась помета «не был», позволяющая предположить отсутствие крестьянина в селе как причину неявки. Любопытна помета на л. 12 об., гласящая, что две девочки 7 и 9 лет «не были за ленью» (написано как «леньё»). Татьяна и Агафья жили в семье, где отец Дмитрий Егоров Пекотин не был у исповеди без объяснения, но его жена и трое старших сыновей исповедовались. В этой помете можно предположительно видеть некоторое особенное, отеческое порицание со стороны священника, нехарактерное для такого типа документов.

Кроме крестьян села, в росписи содержатся сведения о других социальных категориях и выходцах из окрестностей, которые являлись к исповеди в Усть-Ижору. Так, о крестьянах гр. Дмитрия Николаевича Шереметева (27 дворов) из его вотчины сельца Вознесенска узнаем, что из них отсутствовали только малолетние<sup>4</sup>. Постоянными прихожанами храма были и дворовые люди дачи генерал-майора Николая Васильевича Зиновьева — 57 душ мужского пола и 29 женского пола, как, очевидно, и сам генерал, а также его семья<sup>5</sup>. Судя по описям храма, в 1882 г., после смерти генерала Н. В. Зиновьева его семья сделала вклад в храм. Стекались в храм и «крепостные люди полковника Денисова», восемь человек<sup>6</sup>, а также два купца, живущие в Усть-Ижоре: Савва Кирилов и Андрей Кононов, а также мещане числом 11 человек мужского и 11 женского пола. Таким образом, мы получаем представление о дачном окружении, в котором находилось село Усть-Ижора благодаря своему месторасположению близ столицы.

Еще одно явление, важное для жителей Усть-Ижоры в середине XIX в., — обилие пришлого рабочего люда в непосредственной близости от села. На л. 31–40 помещена запись 1848 г. об исповедавшихся и причастившихся в Усть-Ижоре разночинцах. Их состав и места, откуда они прибыли, дают представление о некоторых социальных явлениях, характерных для столицы и ее ближних предместий. Среди разночинцев указаны двое мещан (Петр Колмыков и Григорий Безруков), фельдшер, сторож, отставные солдаты, солдатские жены и вдовы, но основную массу представляют крестьяне родом из разных

мест: С.-Петербургской губ., Тверской губ., Костромской губ., Витебской губ. (Невельский у. и др.), Калужской губ., Ярославской губ., Смоленской губ., Солигаличского у., Псковской губ., Орловской губ., г. Петрозаводска и др. Среди них были крепостные крестьяне. Особую группу лиц составили «воспитанники» (пятеро) и «воспитанницы» (11 человек) крестьянина Костромской губернии, Чухломского уезда Николаевского прихода г-на Шингарева<sup>7</sup>.

Становится понятным, что крестьяне, пришедшие из разных мест, видимо, для работы на заводах, в большом количестве селились в окрестностях Усть-Ижоры. Пока предполагаем, что речь может идти о работах на Ижорских заводах, наиболее крупном из расположенных поблизости производств середины XIX в. Промышленное развитие страны должно было с неизбежностью сказаться не только на жизни больших городов, прежде всего столицы, но и ее ближайших пригородов.

Указанная исповедальная роспись дает представление и о других населенных пунктах, находившихся в окрестностях Усть-Ижоры и связанных с этим селом общим храмом. Встречаются упоминания «села Усть-Ижоры крестьян», «корчминских», «дубенских», «софоновских», жителей г. Шлиссельбурга и т. д. Сельский мир размывался. Близость большого города, столицы, приводила к тому, что усть-ижорский храм св. Александра Невского становился центром духовной жизни довольно широкой округи.

Иногда в исповедальной росписи идет речь об отдельных группах крестьян, пришедших причаститься в Усть-Ижору. Так, на л. 71 помещена роспись лиц, пришедших в 1830 г. из с. Корчино, а на л. 73 — шестерых крестьян мужского пола и 19 женского пола из Усть-Ижоры. Затем записаны крестьяне «дубенские», потом вновь «усть-ижорские» и т. д. по отдельным неделям поста. При этом видно, что многие не исповедовались, а только причащались, поскольку тогда это практиковалось. Так, на л. 75 из причащенных 18 крестьян мужского пола и 35 женского пола были у исповеди лишь 9 женщин и 13 мужчин.

Иногда в жизнь Усть-Ижоры вторгались необычные события. На л. 90–107 помещена роспись роты лейб-гвардии Павловского полка, причастившейся в с. Усть-Ижора 21 февраля 1833 г. во главе с полковником Дмитрием Мельгуновым и капитаном Василием Небольсиным. Не причастились лишь те, кто был «при полку» в Петербурге, или «в отпуску», или в госпитале, или «магометанского закона» (трое), или «лютеранского закона» (двое). Можно представить себе этот грандиозный день и праздник, свидетелями и, видимо, активными участниками которого стали усть-ижорские крестьяне.

В 1830-е гг. в церкви прошла первая реконструкция, главным результатом которой стала постройка новой колокольни над главным входом. Сохранились две описи церкви и принадлежавшего ей имущества — за середину и за конец XIX в. Первая из них была заведена в 1854 г., и пополнялась в более поздние годы<sup>8</sup>. Это книга большого формата в кожаном переплете с тиснением, печатный титульный лист украшен нарядной рамкой. Остальные листы являют

собой рукопись на 75 листах. В конце описи стоят подписи священника Якова Лабецкого, дьячка при нем и церковного старосты, а позднее, видимо, тех, кто делал примечания на полях: священников Федора Боголюбова (в 1864 г.) и Сергия Малоземского в 1881 г. На обороте последнего листа помещены рукоприкладства проводивших ревизии описи: «Священник Яков Лабецкий руку приложил, дьякон Василий Лебедев, дьячок Алексей Розанов, староста Михайло Кононов». Ниже — рукоприкладства более позднего времени: «Священник Федор Боголюбов», «1872 г. июля 5 дня принял церковный староста Дмитрий Захаров, дьякон Иоанн Троецкий(?), дьячек Алексей Заберский», под этими подписями читается: «1886 года, священник Владимир Пиново...» (далее неразборчиво). Оба рукоприкладства церковных старост (в 1854 г. Михаила Коконова, в 1872 г. Дмитрия Захарова) принадлежат представителям упомянутых выше семейств кирпичных заводчиков. К этому же листу прикреплены зелеными шнурами красно-сургучная печать С.-Петербургской духовной консистории.

Сам текст описи представляет таблицу, состоящую из двух частей, разделенных на главы: ч. 1 — опись церковного здания, ч. 2 — опись ризницы.

Видно, что храм в середине XIX в. имел колокольню над входом высотой 18 саженей, высота же самого здания до кровли составляла 5 саженей. Фасад церкви был оформлен «в римском стиле», ближе к алтарю находились 5 деревянных глав на парапете, средняя с крестом в 10 саженей с 4 полуциркульными окнами, малые главы были глухими. Главный вход украшал «греческий портик пестумского ордена». Боковые приделы отсутствовали, вместо этого по сторонам храма располагались боковые входы с филенчатыми двойными дверями. По правую руку от главного входа стояла небольшая сторожка. Церковь окружала каменная ограда, внутри которой находилось кладбище.

Церковь тогда уже была богато украшена, во многом стараниями местных крестьян. Над престолом находилась сень «резной охтенской работы», но из примечания на полях следует, что при позднейшей реконструкции («распространении») храма ее «за ветхостию и непригодностью» сняли. По левую руку от престола имелся образ Владимирской Божьей Матери, у которого в 1862 г. был обновлен оклад (как следует из примечания), за престолом висела икона «Господь Саваоф», над царскими вратами — образ Спасителя.

Предалтарный иконостас был также деревянным, резным, включал изображения Спасителя, Божьей Матери и другие иконы (судя по примечаниям на полях, некоторые из них позднее помещались в других местах храма). В нижнем ярусе по правую руку можно было видеть следующие иконы: местный образ Спасителя, образ Архистратига Михаила (был позднее вынесен при перестройке церкви), образ св. Александра Невского, который был «писан на доске в вызолоченной раме за стеклом, в серебряной, позолоченной и местами украшенной стразами ризе», весившей более 7 фунтов, а также образ святителя Николая Чудотворца (впоследствии переделанный и переписанный). По левую руку

висел местный образ Божьей Матери с младенцем, затем образ Архистратига Гавриила (как и образ арх. Михаила, был вынесен при перестройке), еще одна икона св. Александра Невского в вызолоченной раме за стеклом с двумя позолоченными венчиками, а далее образ Неопалимой Купины. В других частях храма можно было видеть образ св. Александра Свирского, святителя Николая, Казанской Божьей Матери, еще один деревянный резной иконостас, еще один образ св. Александра Невского на дверцах и пр.

Из текста описи видно, что участие местных крестьян, как правило, из одних и тех же семей (Кононовых, Захаровых, Гусаровых и др.) в украшении церкви св. Александра Невского на протяжении всего столетия было значительным. При этом хорошо видно, что пожертвования стали традицией в одних и тех же семьях, и среди вкладчиков в более ранние годы упоминаются родители, а затем и их дети. Так, над царскими вратами была помещена икона, изображающая Тайную вечерю, и риза на нее была пожертвована крестьянином Усть-Ижоры Афанасием Петровым Гусаровым, дочь которого Анисья Афанасьева Гусарова продолжала затем эту традицию. Серебряная риза образа Неопалимой Купины (с позолоченной серединой и украшенная стразами) была пожертвована храму в 1848 г. крестьянкой Усть-Ижоры Анной Ивановой Кононовой. Образ Тихвинской Божьей Матери находился в киоте красного дерева за стеклом, который был пожертвован крестьянкой Усть-Ижоры Анисьей Афанасьевой Гусаровой, и на ее же средства сооружена лампада перед образом св. Александра Невского. Из других вкладов можно отметить образ Преображения Господня, пожертвованный кондуктором Стефаном Чмуковым, ризу на образ св. пророка Илии, пожертвованную усть-ижорским крестьянином Иваном Малачевным, образ Зосимы и Савватия Соловецких, пожертвованный в 1832 г. также усть-ижорским крестьянином Михаилом Федоровым Кононовым, и в тот же год им был внесен в храм еще один образ — святителя Митрофания Воронежского. Лампады перед образами Сергия Радонежского и Дмитрия Солунского были пожертвованы в 1877 г. церковным старостой крестьянином Дмитрием Кузьмичом Захаровым, оставившим рукоприкладство в конце книги.

Колокольня храма на третьем ярусе имела колокола. Один из них был подарен в 1856 г. неизвестным и имел надпись: «1856-го года февраля 26-го дня в село Усть-Ижору в церковь Святого Благоверного Великого князя Александра Невского. Отлит в С.-Петербурге на заводе купца Михаила Стуколкина. Весу его 126 пуд, 23 фунта».

Предметы в ризницу жертвовали как лица благородного происхождения, так и крестьяне. Из богослужебных книг печатное Евангелие 1796 г. в лист было пожертвовано в 1802 г. полковником Алексеем Петровичем Шмаковым, другое имело запись о жертвовании его надворным советником Александром Семеновичем Зедлером, еще одно было получено от Матрены Рыбаковой, статус которой не упомянут, а служба и акафист св. Николаю был даром купеческой жены Натальи Федоровны Зуевой. На церковные суммы была приобретена книга



Ветхого Завета (как, кстати, и другое имущество, в частности, серебряные и некоторые медные подсвечники, а также часть церковных сосудов). Наконец, Евангелие в лист 1852 г. было пожертвовано лесопромышленником Дмитрием Михайловым Кононовым — очевидно, сыном кирпичного заводчика, церковного старосты и жертвователя на храм Михаила Федоровича Коконова. Лесопромышленником его сын был обозначен и в 1864 г., когда пожертвовал храму малую серебряную дарохранительницу для ношения по домам больных. Таким образом, мы узнаем о новом направлении крестьянского семейного бизнеса Кононовых: предприимчивые крестьяне, видимо, приобрели баржи и стали сплавлять лес по Ижоре и Неве.

Другие необходимые для проведения церковной службы предметы также вкладывались прихожанами: крест напрестольный был пожертвован полковником Александром Петровичем Шмаковым, крест четырехугольный — статским советником Брылкиным, белая материя, затканная серебром, для главного престола — усть-ижорским крестьянином Степаном Михайловичем Захаровым, облачение на придельный престол из белого глазета Аграфеной Ивановой Мозжухиной после смерти ее дочери Анны, один из покровов, возлагаемых на усопших, — купчихой Аграфеной Михайловной Средневой, а облачение на придельный траурный престол — купеческой вдовой Анной Козминой.

По-видимому, существовала традиция в память умерших родителей делать вклады церковным облачением. Один из таких вкладов был сделан в 1872 г. крестьянином Михаилом Кононовым в память покойного отца своего, бывшего церковного старосты (очевидно, речь идет об уже упомянутом выше Михаиле Федоровиче Коконове, оставившем рукоприкладство в конце книги в 1854 г.). В том же году он пожертвовал в храм епитрахиль вместе с ризой и поясом из золотой парчи, стихирарем и орарем. Наконец, из принадлежащих храму зданий при квартире настоятеля в 1876 г. стараниями церковного старосты крестьянина Коконова была устроена деревянная баня с тесовой крышей. Возможно, это еще один сын Михаила Федоровича Коконова, брат лесопромышленника Дмитрия Михайловича Коконова. Следовательно, церковным старостой был и он, и, как мы знаем, ранее его отец.

В 1870-е гг. храм опять был реконструирован и расширен: появились два боковых придела — Николая Чудотворца и Рождества Иоанна Предтечи, и, главное, позднее был изменен и увеличен купол. Работы проводились по проекту известного церковного архитектора М. А. Щурупова, который сам происходил из семьи священника, учился в Италии (был, например, автором проекта памятника К. Брюллову на кладбище Монте-Тестаччо) и много строил по возвращении в Россию храмов в псевдорусском и византийском стилях. В Усть-Ижоре, по другую сторону Шлиссельбургской дороги, по его проекту была возведена небольшая неовизантийская церковь св. Владимира на бывшем холерном кладбище. Что же касается главного храма Усть-Ижоры, то Щурупов

спроектировал для него большой купол византийского стиля, который с тех пор в сочетании с построенной ранее колокольней формировал узнаваемый и оригинальный облик того места, где сливаются Ижора и Нева.

Сохранилось еще одно описание церкви Александра Невского в Усть-Ижоре, составленное уже в 1889 г., когда предыдущее описание 1854 г., видимо, вышло из употребления (было опечатано и снабжено рукоприкладствами, о которых сказано выше). Описание 1889 г.<sup>9</sup>, так же как и предыдущее, представляет собой книгу большого формата в кожаном переплете, имеющую сходное оформление с предыдущей книгой. На обороте титульного листа имеется надпись: «От С. Петербургской Духовной Консистории дана сия книга причту и церковному старосте Александроневской церкви в селе Усть-Ижора С.-Петербургского уезда для вписания в оную главной описи церковного и ризничного имущества оной. Января 18 дня 1891 года». В конце книги стоит подпись секретаря С.-Петербургской духовной консистории и печать красного воска, аналогичная той, что имеется в описи 1854 г.

Книгу начали заполнять еще до завершения реконструкции церкви: боковые приделы уже были построены: правый в честь Рождества Иоанна Предтечи и левый в честь Николая Чудотворца. Но венчали храм, согласно данной описи, все еще пять деревянных глав. Что касается пожертвований, записанных в описи 1889 г., они отчасти совпадают с теми записями, которые имелись в книге 1854 г., и, судя по всему, эти записи были просто скопированы из нее, хотя имеются и дополнения. Полковник Алексей Петрович Шмаков как жертвователь упомянут теперь несколько раз. Из числа других лиц, которые занимались обустройством храма, записаны: крестьянин Усть-Ижоры Иван Малачкин (деревянный крест и другие пожертвования, упомянут несколько раз), Афанасий Петрович Гусаров (риза на икону Тайной Вечери и др., упомянут неоднократно), Михаил Федорович Кононов (несколько раз упомянут в связи с пожертвованиями 1832 г. и позднее), Христина Андреевна Коконова, Степан Чмуков, Наталия Федоровна Зуева, Анисья Афанасьевна Гусарова (несколько раз), церковный староста Иван Дмитриевич Захаров (несколько раз), церковный староста Кузьма Захаров (несколько раз начиная с 1831 г.), Григорий Гусаров, Анна Иванова Коконова (в 1848 г.). Много пожертвований делали неизвестные, более всего — на церковную сумму (в несколько раз больше, чем в середине века).

Кроме известных из описи 1854 г. династий жертвователей Гусаровых (отец и дочь) и Кононовых (отец Михаил Федорович Кононов в 1830-е и 1840-е гг. и сын Дмитрий Михайлович во второй половине столетия), можно говорить также о нескольких поколениях жертвователей Захаровых, из которых Стефан Михайлович в 1876 г. жертвовал на убранство храма, Стефан Ефимович Захаров в 1888 г. поднес в храм плащаницу, а затем все семейство Захаровых после смерти отца, бывшего церковным старостой Дмитрием Кузьмича Захарова пожертвовало в храм дорогую парчовую фелонь. На основании описи 1889 г. еще

более детально можно говорить о традициях в пожертвованиях. Так, очевидно, что по случаю смерти членов семьи было принято давать в церковь не просто облачение, а именно фелонь. Мы уже знаем из предыдущей описи, что Михаилом Кононовым была «устроена» фелонь в память отца, фелонь была поднесена в храм и после смерти Дмитрия Михайловича Коконова. Все сведения сохранившихся описей показывают внимательное и любовное отношение прихожан к своему храму, а ценность вкладов дает представление о довольно больших финансовых возможностях части населения Усть-Ижоры.

От более позднего времени у нас имеются данные о жизни Александроневского храма и его прихожан уже за первые послереволюционные годы. Имеется опись церковного имущества 1919–1925 гг.<sup>10</sup>, которая свидетельствует о том, что церковь в Усть-Ижоре в эти годы сумела сохранить свое имущество и не бедствовала, как многие другие. Из переписки с причтом церковью, сохранившейся в фонде Петроградской духовной консистории<sup>11</sup>, можно понять, насколько тяжело было состояние некоторых храмов. Сохранились обращения к митрополиту Вениамину с просьбой о помощи храмам, нуждавшимся в самом необходимом, в том числе просьбы передать им имущество закрывавшихся храмов в столице. Для сравнения приведем один пример: на л. 40–41 находится письмо священника Казанской церкви в селе Троицкое Святые Лужского у. Константина Выстрякова. Этот деревянный храм был новым, освящен лишь в 1918 г., и в феврале 1920 г. в письме митрополиту читалось следующее: «Нужда во всем страшная — нет много самого необходимого и прежде всего недостаток икон. Нет хорошего образа Небесной Покровительницы храма Казанской Божией Матери, икон двенадцатых праздников и местно-чтимых праздничных икон: Покрова и Скорбящей Божией Матери, Апостолов Петра и Павла, святителя Николая, Архангела Михаила, Василия Великого и Дмитрия Солунского». Не хватало также облачений на престол и жертвенник, священнических облачений (все, что были — ветхие), дароносицы, плащаницы, подсвечников и пр., а из богослужебных книг: январской минеи, октоиха и псалтыри следованной. Не было и необходимой утвари для пасхального богослужения. «Тяжелое время, которое мы все сейчас переживаем, не дает нам возможности не только сейчас, но и в ближайшем будущем привести наш храм в подобающий благолепный вид», — писал лужский священник. Тем временем обшивка церкви уже дала течь, а дом священника начал гнить. «Изыскать средства для украшения церкви приход не может, — сообщалось далее в письме, — так как самообложения, как бы они не были велики, вследствие малочисленности нашей (всего около 200 домов с безземельными и бедняками), в сущности, не окажут большой помощи», тем более что «за советские деньги ничего нельзя достать». В своем отчаянном положении священник искал выход: «В Петрограде сейчас есть закрытые домовые церкви, ризница и утварь коих остается без употребления. Не найдете ли возможным, Владыко, уделить чего-либо для нашей бедной церкви, чем несказанно обрадуете нас и поможете нашей великой нужде в укра-

шении Святого храма в такое трудное и тяжелое время». Прошение подписано членами церковно-приходского совета и заверено благочинным Андреем Судачковым, и имеет резолюцию митрополита Вениамина: «Для снабжения указанной церкви из фонда ликвидированных домовых церквей»<sup>12</sup>.

В сравнении с подобным положением усть-ижорский храм сохранил главные свои сокровища — книги и образа, в том числе в серебряных окладах, и без каких-либо помет об их конфискации. Полностью сверить эту опись с предыдущими затруднительно в силу ее большей краткости, но можно понять, что в 1919–1925 г. главный алтарь имел престол, «украшенный металлической одеждой», серебряную икону, изображавшую «Снятие со креста Иисуса Христа», дубовый престол с кипарисною верхнею доской, украшенный по бокам четырьмя серебряными чеканками. В храме находились: антиминс атласный, жертвенник дубовый, запрестольная икона Господа Саваофа, писанная масляными красками, запрестольный деревянный крест в серебряной ризе, запрестольная икона Божьей Матери в серебряной ризе весом 13 фунтов и 28 золотников, иконка Спасителя над царскими воротами в серебряной ризе, иконка Спасителя над жертвенником на холсте в деревянной позолоченной раме, там же икона Спасителя в металлической ризе, икона Скорбящей Божьей Матери в позолоченной раме.

Иконы св. Александра Невского находились в алтаре правого придела, так же как образа Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца. Об их окладах ничего не сказано, но в алтаре левого придела находилась икона св. Тихона Задонского в серебряной ризе и Казанской Божьей Матери в серебряной ризе весом 6 золотников. Находился средний предалтарный иконостас: резные царские врата, иконы в серебряных ризах, по правую сторону нижнего яруса икона Спасителя в ризе весом 7 фунтов 39 золотников со стразами, икона св. Александра Невского на доске в серебряной ризе весом 7 фунтов 39 золотников, «Воскресение Христово» в ризе весом 18 фунтов 7 золотников и т. д. По левую сторону висела еще одна икона св. Александра Невского на доске в серебряной ризе весом 8 фунтов. Таким образом, иконы среднего иконостаса оставались на месте, и их ценные оклады были при них.

В других частях храма имелась икона Казанской Божьей Матери, украшенная «поддельным жемчугом на фольге и искусственными камнями в серебряной ризе», образы св. Серафима Саровского, головы Иоанна Предтечи, в деревянном вызолоченном иконостасе находилась икона Тихвинской Божьей Матери и т. д. Имелись хоругви, паникадила и прочие необходимые предметы. Из книг в ризнице перечислены: Евангелие на престольное с серебряными крышками весом 11 фунтов 84 золотника, еще одно Евангелие большое с серебряной крышкой и эмалевыми образками, Евангелие среднее в бархатном переплете, еще одно такое же в бархатном переплете с серебряными образками и т. д., а также на престольные серебряные большие и малые кресты, кресты для жертвенника, потиры (серебряные, позолоченные, с эмалевыми

изображениями, мельхиоровые), ковчеги, другие сосуды и пр. Сохранились и священнические облачения из золоченой парчи, белого глазета, желтой парчи, пелены и пр. Кроме аналоев, храму принадлежали шкафы, зеркала, диваны, кресла, скамьи, решетка, ширма, ковры, даже динамо-машина № 1150 мастерской «Брэм» (мощностью 10 лошадиных сил, 75 ампер, 110 вольт, 870 оборотов, с двухцилиндровым бензиновым двигателем). Целы были и колокола: 5 больших, самый большой весом 156 пудов, и 5 мелких, вес которых не указан. Все это имущество было в сохранности к 1925 г., несмотря на прошедшую кампанию по конфискации церковных ценностей.

Можно заключить, что церковь св. Александра Невского в с. Усть-Ижора в 1920-х гг. не была ни разграблена, ни другим путем лишена своего драгоценного убранства. Предполагаем, что определяющую роль в этом сыграло заступничество местных крестьян, тем более что после революции это имущество перешло именно к ним. На л. 11 описи помещен акт от 16 января 1925 г., согласно которому, члены хозяйственной и ревизионной комиссий приходского совета провели освидетельствование имущества церкви, состоящего в ведении группы верующих. Освидетельствование показало, что в церкви хранились две описи: 1891 и 1924 гг., на которые, видимо, ориентировались проводившие проверку, заключившие, что имущество хранилось «в целости и должном порядке». Можно даже сказать, что предметов стало больше, чем ранее: в усть-ижорский храм было передано имущество из упраздненных церквей близлежащих поселков Лагерный и Понтонный, а также вывезенное из «бывшей церкви Смольнинской богадельни» (видимо, речь идет о богадельне Цесаревича Николая). Оттуда в 1925 г. поступил, например, иконостас, хранившийся в разобранном виде в часовне на Владимирском кладбище Усть-Ижоры.

До нас дошли книжки членов усть-ижорской приходской общины 1920–1921 гг.: 88 книжек (общим объемом в 182 л.), содержащие записи об имени члена прихода, его отчестве и фамилии, возрасте, адресе, членах семьи, крещении, браках, исповеди и погребениях, и о сумме церковных взносов, сделанных данным лицом<sup>13</sup>. Все книжки 1920 г. выданы в основном в один из следующих дней: или 12 июня 1920 г., или 31 мая 1920 г. В некоторых указаны другие дни мая и июня 1920 г., иногда на месте отметок о совершении таинств стоят штампы, датированные весной 1922 г. Размеры взносов в 1920 г. колебались в пределах от 50 до 400 руб. (в основном встречаются взносы в 50, 100, 150, 200 и 400 руб.). В 1922 г., в связи с инфляцией, это были уже 10 тыс., 20 тыс., 50 тыс. или 150 тыс. руб. Более того, в 1922 г. взносы имеются не во всех книжках. Если говорить на основании книжек о территориальном охвате прихода, то кроме Усть-Ижоры там встречаются такие адреса, как: д. Бугры (иногда указывалась ул. Бугровская), Верхняя Ижорка (иногда указана в скобках), Шлис-сельбургское шоссе с номером дома, «Набережная Невы» с номером дома, «Колпинская дорога» с номером дома, и в одном случае «пр[оспект] д. Усть-Славянки». Таким образом, усть-ижорская приходская община в первые по-

слереволюционные годы была довольно многочисленной, в ней сохранился порядок, в частности продолжали поступать членские взносы, которые, вероятно, использовались для поддержания приходского храма и сохранения его имущества, что подтверждает и опись храма послереволюционных лет.

Еще одним подтверждением относительно благополучного состояния общины и храма в это время служит дело 1920 г. о прошении передать в ц. Усть-Ижоры во временное пользование чудотворную икону Казанской Божьей Матери из Казанского собора в Петрограде<sup>14</sup>. В деле находится прошение приходского совета Усть-Ижоры на имя митрополита Вениамина. В нем, в частности, говорилось: «На заседании приходского совета в 1/14 сего марта постановлено просить Ваше Высокопреосвященство разрешить отпустить из Казанского собора чудотворную икону Казанской Божией Матери в наш приход на 6-й неделе текущего поста; для каковой цели избрана депутация, которой и поручено подать настоящее прошение Вашему Высокопреосвященству». Под прошением стоят имена председателя приходского совета Ал. Кононова, членов совета Н. Д. Молозимова и Ашаосова (без инициалов), а также протоиерея Иоанна Сутокского. Это прошение было подано, несмотря на то что еще ранее жителям Усть-Ижоры и настоятелю храма было сообщено, что икона Божьей Матери с 15 по 20 февраля будет находиться в Колпино, «соседней с Усть-Ижорской местности, куда и могли бы верующие направиться для удовлетворения своих религиозных потребностей». Жители Усть-Ижоры, тем не менее, хотели заполучить чудотворную икону в свой храм.

Первоначальный запрос был послан в Казанский собор, и уже оттуда митрополиту. Весьма любопытен рапорт, который был послан митрополиту приходским советом Казанского собора еще 28 февраля 1920 г. В нем подробно изложен ход заседания совета, посвященного этому вопросу, в частности выступление протоиерея Т. А. Налимова, который, между прочим, сказал следующее: «По-видимому, для Петрограда устанавливается совершенно новый обычай хождения со св. иконою по всей епархии, — обычай, в других епархиях проявивший уже и нежелательные последствия (вплоть до утраты самой святыни)». Далее выступавший сообщил, что за последние 25 лет не было ни одного случая «изнесения св. иконы за город, не сохранилось и воспоминаний, чтобы такие случаи бывали в более давнее время», и теперь для этого необходимо согласие верующих, «принявших собор в свое пользование». Т. А. Налимов пояснил, что в Петрограде ранее был обычай носить икону в частные дома, но ко времени поздней литургии и в ночное время икона всегда возвращалась в собор. Однако «два года тому назад», то есть в 1918 г., появилась практика приносить иконы в приходские церкви Петрограда, так что иногда она не возвращалась в собор по несколько дней. Поэтому «духовенству собора в эти дни приходится быть свидетелем горьких, иногда и со слезами сетований со стороны богомольцев, пришедших, быть может, с далекой окраины города, а иногда и приехавших из окрестностей его, или даже из провинции, не находящихся

в соборе той святыни, к которой стремились». Эти люди упрекали духовенство: «в аренду сдают святыню вместо того, чтобы молиться», «оптовую торговлю открыли».

Причт Казанского собора выступил против новой практики, обращая внимание на возможный вред, который может быть причинен иконе, имевшей и так поврежденную доску. Приводилось и другое соображение: «...в настоящее время нельзя никак игнорировать и фанатизма неразумных охранителей народа от суеверий и корыстолюбия попов и совершенной случайности и неустойчивости воззрений и настроений представителей власти на местах». Было решено, чтобы икона не отсутствовала в соборе более нескольких часов, и прошение усть-ижорцев положили отклонить. В Петроградский приходской совет направили бумагу, извещавшую и о поступившем прошении (там указано, что в Усть-Ижоре просили икону «на всю вторую седмицу Великого поста», видимо, ошибочно — в прошении приходского совета говорилось о 6-й неделе), и о постановлении приходского совета Казанского собора, объявившем «принципиально нежелательным разрешать изнесение из собора чудотворного образа в отдаленные окрестности города на более или менее продолжительное время». 5/18 марта 1920 г. митрополит Вениамин наложил резолюцию на рапорт Казанского приходского совета, в которой выразил согласие с его постановлением по этому вопросу.

Но сам факт подобного прошения, исходившего от прихода церкви св. Александра Невского, подтверждает уже высказанное нами предположение об относительном благосостоянии этого храма в первые послереволюционные годы. Если бы дело обстояло иным образом, трудно представить, чтобы приход считал себя в состоянии принять столь ценную святыню, обустроить ее в храме и надлежащим образом организовать поток богомольцев для поклонения ей. Для этого нужно было прежде всего обладать денежными средствами. В случае согласия на временное перемещение иконы важно было также обеспечить нейтральное отношение к происходившему местной власти.

История усть-ижорского храма в XIX — начале XX в. демонстрирует тесную связь приходского храма св. Александра Невского и окружавшего его сельского населения, прежде всего жителей с. Усть-Ижора. Без преувеличения можно сказать, что это был по-настоящему местный храм, судьба которого в очень большой степени (а в послереволюционные годы и исключительно) зависела от поддержки окрестных крестьян. Им удалось сохранить храм действовавшим даже в период массовой конфискации церковных ценностей. И только в 1934 г., когда началась новая, более жесткая волна репрессий, храм св. Александра Невского в с. Усть-Ижора был закрыт, и тут местные жители оказались, видимо, уже бессильны.

- <sup>1</sup> О начале этой войны см. подробнее: *Брикнер А.Г.* Война России со Швецией в 1788–1790 годах. СПб., 1869. С. 73–123, 148–176; см. также подборку архивных материалов: *Лебедев П.П.* О корабельном составе русского парусного флота в русско-шведской войне 1788–1790 годов // *Гангут*. 2015. № 87. С. 21–51; № 88. С. 23–53.
- <sup>2</sup> ЦГИА СПб. Ф. 1000. Церковь св. благов. Александра Невского в с. Усть-Ижоре.
- <sup>3</sup> Там же. Оп. 1. Д. 1.
- <sup>4</sup> Там же. Л. 23 – 27 об.
- <sup>5</sup> Там же. Л. 28 – 29 об.
- <sup>6</sup> Там же. Л. 30 – 30 об.
- <sup>7</sup> Там же. Л. 35.
- <sup>8</sup> Там же. Д. 3.
- <sup>9</sup> Там же. Д. 7.
- <sup>10</sup> Там же. Д. 14.
- <sup>11</sup> ЦГИА СПб. Ф. 678. Д. 1353. 1920 г.
- <sup>12</sup> Подробнее об этом периоде жизни церкви, в том числе в Петрограде и его окрестностях, см.: *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995; *Фирсов С. Л.* 1) Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов // *Нестор*. 2000. № 1. С. 205–236; 2) «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.: очерки истории. М., 2014.
- <sup>13</sup> ЦГИА СПб. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 16.
- <sup>14</sup> ЦГИА СПб. Ф. 678. Петроградский епархиальный совет. Оп. 1. Д. 1353. 1920 г. Л. 42–48.

## REFERENCES

- BRICKNER A. G. *Vojna Rossii so Shveciej v 1788–1790 godah*. St. Petersburg, 1869. Brikner A. G. The war between Russia and Sweden in 1788–1790. St. Petersburg, 1869.
- LEBEDEV P. P. *O korabel'nom sostave russkogo parusnogo flota v Russko-shvedskoj vojne 1788–1790 godov* // *Gangut*. 2015. No. 87. S. 21–51; No. 88. S. 23–53. Lebedev P. P. On the composition of the Russian sailing fleet in the Russian-Swedish war of 1788–1790 // *Gangut*. 2015. No. 87. P. 21–51; No. 88. S. 23–53.
- FIRSOV S. L. *Vlast' i veruyushchie: iz cerkovnoj istorii nachala 1920-h godov* // *Nestor*. 2000. No. 1. S. 205–236. Firsov S. L. Power and believers: from the church history of the early 1920s // *Nestor*. 2000. No. 1. S. 205–236.
- FIRSOV S. L. *“Vlast' i ogon’”: Cerkov' i sovetskoe gosudarstvo: 1918 – nach. 1940-h gg.: ocherki istorii*. Moscow, 2014. Firsov S. L. “Power and fire”: Church and Soviet state: 1918 – early. 1940s: essays on history. Moscow, 2014.
- SHKAROVSKIY M. V. *Peterburgskaya eparhiya v gody gonenij i utrat 1917–1945*. St. Petersburg, 1995. Shkarovsky M. V. Petersburg diocese during the years of persecution and loss 1917–1945. St. Petersburg, 1995.

## ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**В. Г. Вовина-Лебедева. Крестьяне села Усть-Ижора и их храм // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 118–134**

*Аннотация:* Село Усть-Ижора на берегу Невы известно в связи с Невской битвой 1240 г. Уже в петровское время здесь поставили первую деревянную церковь во имя св. благоверного князя Александра Невского. Материалы ЦГИА СПб позволяют восстановить некоторые этапы жизни церкви и ее прихода в XIX – начале XX в. Промышленное развитие страны сказалось на жизни пригородного села. Усть-ижорский храм становился центром духовной жизни широкой округи, включавшей не только местное



население, но и пришлых рабочих людей. Перестройки каменной церкви и ее украшение осуществлялись на средства крестьян Усть-Ижоры, некоторые из которых были состоятельными кирпичными заводчиками и лесоторговцами. Даже после революции 1917 г. храм в с. Усть-Ижора не был разграблен благодаря заступничеству прихожан, к которым перешло его имущество. Им удалось сохранить ценности храма даже в период массовой конфискации церковного имущества, и церковь св. Александра Невского в Усть-Ижоре была закрыта лишь в 1934 г.

**Ключевые слова:** Усть-Ижора, Кононовы, Захаровы, Гусаровы, церковь Александра Невского.

#### FOR CITATION

**V. G. Vovina-Lebedeva. Peasants of Ust'-Izhora and their church // Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 118–134**

*Abstract:* The village of Ust-Izhora on the bank of the Neva is known in connection with the battle at Neva in 1240. Already in the time of Peter the Great, the first wooden church in the name of St. Blessed Prince Alexander Nevsky was built. Materials TsGIA SPb allow to restore some stages of the life of the church and its parish in the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century. The industrial development of the country affected the life of the suburban villages. Ust'-Izhora Church of St. Alexander Nevsky became the center of spiritual life for a wide district, which included not only local peasants, but also numerous working people. The reconstruction of the stone temple and its decoration were carried out at the expense of the peasants of Ust'-Izhora, some of whom were wealthy brick manufacturers and timber merchants. Even after the revolution of 1917, the church of St. Alexander Nevsky in the village Ust'-Izhora was not plundered thanks to the intercession of local peasants, to whom this property passed. They managed to preserve the values of the temple even during the period of mass confiscation of church property, so the church of St. Alexander Nevsky was closed only in 1934.

**Key words:** Ust'-Izhora, Kononovy, Zakharovy, Gusarovy, the church of St. Alexander Nevsky.

*Автор:* **Вовина, Варвара Гелиевна** — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

*Author:* **Vovina, Varvara** — Dr., Leading researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

**E-mail:** Varvara\_Vovina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1465-4139